УДК: 323.282:323.325(470.319)
Гаврилюк Илья Валерьевич – кандидат исторических наук, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (Российская федерация, г. Орел), e-mail: i.v.gavrilyuk@gmail.com

БОРЬБА ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ С КРЕСТЬЯНСКИМ ДВИЖЕНИЕМ 1905–1907 ГГ.

Статья посвящена анализу мер, предпринятых администрацией Орловской губернии для противодействия крестьянскому движению в период Первой российской революции 1905–1907 гг. В статье рассматриваются состав и качественные характеристики имеющихся в распоряжении орловского губернатора сил армии и полиции, описываются методы воздействия губернской власти на крестьянство с целью предотвращения крестьянских выступлений. Обосновывается вывод, что полиция и войска на территории Орловской губернии не обладали достаточной численностью, чтобы эффективно защищать частных землевладельцев от крестьянских нападений.

Ключевые слова: Первая российская революция 1905 – 1907 гг., крестьянское движение, крестьянские выступления, Орловская губерния, губернская администрация, полиция.

GAVRILYUK I. V.– Candidate of Historical Sciences,Orel State University named after I.S.Turgenev (Russian Federation, Orel), e-mail: i.v.gavrilyuk@gmail.com

STRUGGLE OF THE GOVERNMENT STAFF OF THE OREL PROVINCE WITH THE PEASANT MOVEMENT IN 1905 - 1907

The article is devoted to the analysis of measures taken by the administration of the Orel province to counter the peasant movement during the First Russian Revolution of 1905-1907. The article considers the composition and quality characteristics of the Orel Governor's army and police forces, describes the methods of influence of the provincial government on the peasantry in order to prevent peasant protests. The conclusion is substantiated that the police and troops in the territory of the Oryol province did not have sufficient number to effectively protect private landowners from peasant attacks.

Keywords: First Russian Revolution of 1905-1907, peasant movement, peasant performances, Orel province, provincial administration, police.

Успех или неудача крестьянского движения в Орловской губернии зависели не только от действий самих крестьян, но и от противодействия, которое им оказывали губернская администрация и правоохранительные органы. Сотрудники администрации, жандармы, полиция и земские начальники, судебные следователи, будучи хранителями государственного порядка, должны были подавлять крестьянские волнения, и эффективность их работы в этом направлении важна для понимания и оценки крестьянского движения.

Под рукой орловских властей для подавления крестьянских беспорядков поначалу были только полицейские стражники, но сразу же стало ясно, что без использования войск удерживать ситуацию под контролем не удастся. Чтобы справиться с всплеском крестьянского движения, происшедшим в феврале–марте 1905 г., были задействованы войска Орловского и Брянского гарнизонов, а также присланный из Москвы эскадрон драгун Сумского полка. Угроза повторения крупных крестьянских волнений поставила власти перед необходимостью сформировать войска в группы быстрого реагирования.

23 марта 1905 г. штабом Московского военного округа было организовано в Орловской губернии четыре летучих отряда под общим командованием генерал-лейтенанта Бертельса, начальника находившейся в г. Орле 36-й пехотной дивизии. Эти отряды располагались в г. Орле (два батальона 141-го пехотного Можайского полка), г. Брянске (два батальона 144-го пехотного Каширского полка), на ст. Верховье (две роты 142-го пехотного Звенигородского полка) и в г. Ельце (полтора батальона 142-го пехотного Звенигородского полка). В Орловскую губернию по распоряжению военного министерства также были командированы четыре сотни казаков, которые разместились по сотне в городах Орле, Ельце, Брянске и Севске [3]. Впоследствии штаб Московского военного округа в зависимости от ситуации менял пункты расположения дежурных частей и их численность.

Однако даже летучих отрядов и казаков оказалось недостаточно в том положении, в котором Орловская губерния пребывала в конце 1905 г. 19 ноября 1905 г. орловский губернатор на письмо трубчевского уездного предводителя дворянства, просившего прислать в Трубчевский уезд конницу, ответил, что имеющееся в его распоряжении «ничтожное количество войсковых частей для обширной площади губернии, да еще при бездорожице, не может всюду предотвратить погромов, а временное пребывание войска в той или иной усадьбе не гарантирует, что после ухода его погромы не возобновятся» [5].

Полиция губернии также была слишком малочисленной для надежной охраны частных имений. 28 ноября 1905 г. елецкий уездный исправник Н. П. Алексеев жаловался орловскому губернатору, что приставить к каждой усадьбе стражников для охраны нет возможности, так как в уезде 459 помещичьих усадеб и только 83 стражника [2]. В похожем положении были и другие уезды.

В ситуации дефицита войск и полицейских служащих руководство губернии рекомендовало землевладельцам создавать вооруженную стражу на собственные сред-

ства. Это было, вероятно, единственное доступное на тот момент средство усилить охрану. К 14 января 1906 г. по всей Орловской губернии на частные средства было учреждено 9 урядников и 210 стражников [14].

Кроме количества не меньшее значение имело качество тех сил, которые могли быть использованы властями для наведения порядка. В ноябре 1905 г. орловский губернатор К. А. Балясный провел реорганизацию уездной полицейской стражи с целью повышения ее эффективности: губернатор собрал всех полицейских стражников в команды по 10–25 человек, оставив на местах лишь то их количество, которое было необходимо для постоянного поддержания сообщения между исправниками и становыми приставами. В каждом уезде были организованы команды по числу станов и размещены при становых квартирах, причем жили стражники на казарменном положении. Каждая такая команда находилась в непосредственном подчинении становому приставу, который по собственному усмотрению мог передвигать ее в пределах стана как в полном составе, так и отдельными командами численностью не менее пяти человек [14, л. 229–229 об.].

Реорганизация полицейской стражи не устранила проблем с качеством личного состава. 15 января 1906 г. севский уездный исправник Н. А. Скрябин представил орловскому губернатору безрадостную характеристику полиции Севского уезда: команды стражников не имеют дисциплины, отдельные стражники не знают своих обязанностей и не хотят носить оружие. Становые приставы, по утверждению исправника, плохо осведомлены о положении дел и занимаются больше отписыванием бумаг, чем реальной работой [10].

К стражникам у полицейских начальников помимо низкой дисциплины был и другой важный упрек. Дмитровский уездный исправник Барков 22 ноября 1905 г. отмечал: «Стражники представляют собой ненадежную команду на том основании, что они все без исключения местные крестьяне, и можно быть вполне уверенным, что они разделяют ожидания своих односельчан» [7]. Возможно, стражники, сами в основном происходившие из крестьянского сословия, действительно не горели желанием применять силу против своих собратьев, но тем не менее в Орловской губернии в 1905–1907 гг. не было случаев прямого неповиновения полицейской страже при подавлении крестьянских волнений.

Самым эффективным «оружием» властей показали себя казаки. Казачья конница быстро передвигалась, в отличие от пехоты, для которой приходилось нанимать подводы у крестьян. Казаки не проявляли особых симпатий к крестьянам, так как ничем не были с ними связаны. Они были готовы действовать жестко, если им приказывали. Крестьянам казаки виделись беспощадными карателями и внушали страх. Зная это обстоятельство, землевладельцы просили полицию отправлять для охраны их имений именно казаков, а уездные исправники осыпали просьбами о присылке казаков губернатора.

Недостатки количества и качества правительственных сил могли быть компенсированы применением эффективных методов воздействия на крестьян. Те методы, к которым прибегали в 1905–1907 гг. орловские власти, можно разделить на силовые, увещевательные, пропагандистские и эко-

номические. Самым действенным методом было бы проведение реформ, но это было в полномочиях центрального правительства, а не руководства Орловской губернии.

В целях предотвращения крестьянских волнений орловские власти занимались пропагандой и убеждением крестьян через специальные воззвания и обращения к населению должностных лиц, беседы с сельскими сходами полицейских чинов и земских начальников. Главный мотив этих убеждений состоял в том, что монарх и правительство всеми силами стараются улучшить положение крестьян, и оно будет улучшено, но крестьяне и сами должны этому поспособствовать, охраняя внутреннее спокойствие государства. За устройство же беспорядков крестьян ждет суровое наказание. Беспорядки отдаляют удовлетворение правительством крестьянских нужд и провоцируются врагами царя, которым судьба крестьянства совершенно безразлична.

Характерным примером такой пропаганды было губернаторское воззвание 9 ноября 1905 г. к сельскому населению. Начальник губернии К. А. Балясный грозил: «Предупреждаю население Орловской губернии, что ни одно самоуправство, ни одно насилие не пройдут безнаказанно, что для прекращения буйств будут посылаемы войска, и там, где не подействуют увещания, буйство будет остановлено вооруженной силой. Награбленное имущество будет отобрано, виновные отданы под суд и должны будут заплатить все убытки потерпевшим от насилия». В воззвании говорилось, что «великая милость Царская, объявленная Высочайшим Манифестом 3-го сего ноября, должна быть принята крестьянами с благодарностью, и крестьяне должны доказать своим поведением, что они ее заслужили». Далее утверждалось, что беспорядки задерживают выдачу ссуд на продовольствие населению, пострадавшему от неурожая. Губернатор пообещал, что все законные просьбы крестьян будут рассмотрены и уважены. Воззвание предупреждало крестьян насчет революционеров: «Те, которые мутят вас, сами ничего ведь вам не дадут, а все на чужое только показывают. В одном месте намутил и ушел дальше, а за буйство вы же, а не они отвечать будут» [1].

Орловские должностные лица стремились изобразить революционеров в глазах крестьян врагами христианской веры. В октябре 1905 г. земский начальник Мценского уезда Тиньков на волостных сходах разъяснял крестьянам, что революционеры – не верующие в Бога люди, которые не любят свою родину и царя и поэтому везде и всюду приносят вред правительству [16]. Земский начальник 1-го участка Карачевского уезда генерал-майор Цуриков и вовсе разглядел в действиях революционеров происки дьявола. В апреле 1905 г. Цуриков отдал крестьянам своего участка приказ арестовывать всех подозрительных личностей и препровождать полиции. В приказе необходимость ареста объяснялась тем, что повсеместно появились «неблагонамеренные люди, которые по наущению дьявола мутят и сбивают православный народ с пути истинного» [15].

К увещеваниям представители властей прибегали и в тех случаях, когда крестьянское выступление уже началось и необходимо было его прекратить. Словесные увещевания без применения силы нередко

приносили успех, даже если выступление было достаточно крупным. Выяснить же, какую вообще долю в процентном отношении составляли крестьянские выступления, добровольно прекращенные крестьянами под влиянием увещеваний, вряд ли возможно, так как по значительному числу крестьянских выступлений нет сведений, какими именно методами они подавлялись. На наш взгляд, случаи, когда крестьяне уступали убеждениям со стороны должностных лиц, не имевших при себе вооруженной силы, свидетельствуют, что эти крестьяне не были готовы или не желали категорически противопоставить себя государству.

Были в арсенале орловских властей и экономические методы воздействия на крестьян. В конце декабря 1905 г. ливенский уездный исправник обратился к земскому начальнику 9-го участка Ливенского уезда с просьбой остановить выдачу хлебного пособия крестьянам деревень Ожоги, Никольской и Прудки, участвовавших в нападениях на имения землевладельцев [8]. Такие методы практиковались и в Елецком уезде: за участие в аграрном движении до 50 человек лишились права на продовольственную ссуду в с. Долгом, до 60 – в д. Волчьей, более 10 – в д. Слободке, 7 – в с. Рябинки [18]. Учитывая, что Елецкий и Ливенский уезды были в числе наиболее пострадавших от неурожая 1905 года, это была жестокая мера.

Когда крестьяне продолжали творить «самоуправства», не обращая внимания на увещевания их представителями властей, тогда последние применяли силу (если ей располагали). Если крестьяне, собираясь в толпу, не уступали требованиям или мешали производить аресты, их пытались распугать выстрелами вверх. Когда крестьяне решались вступить в драку, против них действовали нагайками, прикладами и, в случае серьезного сопротивления, штыками. Огнестрельное оружие на поражение применялось лишь в крайних случаях, когда угроза жизни служителям государства была более чем реальна. По нашим подсчетам, за три года при подавлении крестьянских выступлений правительственными силами было убито шесть крестьян: трое в Севском уезде (26 декабря 1905 г., 24 и 31 мая 1906 г.), двое – в Елецком (11 июня 1906 г.) и один – в Брянском (18 июля 1906 г.). Для революционного времени это весьма небольшие цифры.

К инцидентам с убийством крестьян власти относились весьма серьезно. После того, как 18 июля 1906 г. во время вооруженного столкновения крестьян с. Альшаница Брянского уезда с полицейским отрядом был убит крестьянин Осип Артюхов, брянский уездный исправник Н. С. Буйницкий уволил урядника Сычева, командовавшего этим отрядом, признав действия урядника неправильными и неосторожными [4].

Отдельно стоит рассмотреть вопрос о производимых полицией арестах. Так как в периоды подъема крестьянского движения крестьянских выступлений происходило много, а число участников даже одного выступления иногда превышало 100 человек, у полиции не было возможности арестовывать всех виновных – их просто некуда было бы размещать и некем охранять в таком количестве. Поэтому полиция в таких условиях арестовывала главным образом тех, кого считала агитаторами, подстрекателями и руководителями выступлений или, по крайней мере, самыми активными их участ-

никами. Аресты не всегда имели достаточное формальное обоснование. Так, по уверению корреспондента «Орловского вестника», крестьянин с. Упорой Дмитровского уезда И. К. Шохин был арестован 27 ноября 1905 года. приставом только за то, что просил не отбирать у него хлеб, принятый приставом за украденный из экономии графа Гейдена, а учитель М. М. Соколов – за то, что протестовал против ареста Шохина [17]. Мотив подобных арестов, как нам кажется, объяснен в рапорте болховского уездного исправника орловскому губернатору от 19 ноября 1905 г. Исправник писал, что проведение немедленных арестов необходимо ввиду сложившегося у крестьян впечатления, будто ни за какие их поступки никто не может подвергнуться задержанию [6]. Кроме того, следует упомянуть крайне примечательное разъяснение, которое 28 декабря 1905 г. прокурор Орловского окружного суда получил от прокурора Харьковской судебной палаты: «Совершенное отсутствие арестованных по тому или другому делу могло бы иметь последствием еще большее распространение беспорядков, вселяя в население ложное убеждение в безнаказанности совершённых ими преступных деяний» [13].

С нашей точки зрения, арестами даже за малейшее противодействие полиция хотела показать крестьянам, что сила государства осталась непоколебленной. Но этот подход не был системным: в одних уездах полиция стремилась максимально очистить деревню от «неблагонадежного элемента», в других – часто шла навстречу тем землевладельцам, которые, дабы не обострять отношения с крестьянской округой еще больше, просили не арестовывать крестьян, выступивших против их имений.

Большой проблемой для государственной власти стало то обстоятельство, что существовавшая в Российской Империи система наказаний за аграрные выступления оказалась неэффективна в революционное время. Елецкий уездный исправник 28 ноября 1905 г. рапортовал орловскому губернатору, что, по словам самих крестьян, главной, если не единственной причиной того, что рубка лесов в самом близком будущем может распространиться на все без исключения помещичьи леса, служит тот факт, что наказание за рубку, с одной стороны, недостаточно, а с другой – и это самое главное – не следует сразу же после обнаружения проступка. Крестьяне, сообщал исправник, говорят так: «Суд когда-то еще будет, а те, что рубят лес, не только имеют чем топить, но и продают еще крупный лес» [2, л. 69–69 об.].

Судебные разбирательства по аграрным делам длились довольно долго, приговор суда от момента совершения преступления мог отделять продолжительный промежуток времени. Многие обвиняемые судом оправдывались как из-за недочетов обвинения, так и, возможно, из-за политических симпатий присяжных. Властям требовалось сделать наказание более быстрым и по некоторым видам преступлений более тяжелым. Выходом стало использование административных наказаний в обход судебной системы.

30 сентября 1906 г. императорским указом в целях борьбы с беспорядками орловскому губернатору были предоставлены следующие полномочия: 1) издавать для жителей Орловской губернии обязательные постановления по предметам, относящимся к предупреждению наруше-

ния государственного порядка и общественной безопасности; 2) устанавливать за нарушение таковых обязательных постановлений взыскания, не превышающие трехмесячного ареста или денежного штрафа в 500 руб.; 3) разрешать в административном порядке дела о нарушениях изданных губернатором обязательных постановлений [12]. Полномочия эти считались временными – сроком на год, но впоследствии неоднократно продлевались.

Обязательные губернаторские постановления, изданные для жителей сельской местности на основании этого указа, предусматривали административные наказания за незаконные собрания, распространение запрещенной литературы и ложных сведений о деятельности правительства, составление сельскими сходами незаконных приговоров, подстрекательство к сельскохозяйственным забастовкам, хищение леса, потравы, противодействие тушению пожаров и другие деяния. Важно отметить, что наказание распространялось как на отдельных лиц, так и на всех жителей селения, если они окажутся виновными.

Использование административных наказаний дало в целом положительные для властей результаты. Так, 28 сентября 1907 г. трубчевский исправник Громаковский доложил губернатору, что в уезде наконец настало полное затишье даже в отношении самовольных порубок лесов, так как усиленное применение обязательных постановлений губернатора заставило крестьян сознать, что «дальнейшее такое их зло уже больше не терпимо и не допустимо» [11].

В то же время административные наказания открывали дорогу злоупотреблениям, на которые вынужден был обратить внимание сам орловский губернатор. 18 октября 1908 г. орловский губернатор С. С. Андреевский издал циркуляр уездным исправникам, в котором признавал, что полиция зачастую налагает административные наказания без должных на то оснований [12, л. 190].

Говоря о злоупотреблениях властью, нельзя не упомянуть применение по отношению к крестьянам телесных наказаний. Хотя телесные наказания для крестьян были отменены 11 августа 1904 г., в пределах Орловской губернии они, вопреки закону, использовались против участников крестьянских выступлений как местными, так и присланными чиновниками. В начале марта 1905 г. трое крестьян Севского уезда были высечены розгами по приказу командированного в Севский уезд непременного члена Черниговского губернского присутствия Шрамченко [9]. Полицейские Орловской губернии также не брезговали телесными наказаниями. В конце сентября 1906 г. по приказанию брянского уездного исправника Н. С. Буйницкого наказанию нагайками были подвергнуты крестьяне хутора Свиридова и д. Ивотки, виновные в непочтительном поведении по отношению к исправнику [4, л. 458–458 об.].

Характеризуя в целом усилия властей Орловской губернии, направленные на подавление крестьянского движения, необходимо отметить, что орловская полиция в начале 1905 г. оказалась недостаточно эффективным средством для борьбы с массовыми беспорядками в сельской местности. Губернское руководство пыталось решить эту проблему сведением полицейских стражников в отряды, созданием дополнительных полицейских сил в виде стражи, нанятой на частные средства землевладельцами. Правительство дало воз-

можность губернской администрации использовать для помощи полиции пехотные части и казаков. Но даже при этом полицейские силы и войска, расположенные в Орловской губернии, имели недостаточную численность, чтобы их можно было послать сразу во все пункты, где существовала опасность выступлений. По этой причине власти не успевали предупредить часть крестьянских выступлений, а также предотвратить разрастание некоторых уже начавшихся волнений. Если бы не разрозненность крестьянских выступлений, если бы каждое селение не действовало автономно от других, с задачей защиты частной земельной собственности власти Орловской губернии могли бы не справиться.

Библиография:

1. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 580. Ст. 1. Д. 4334. Л. 7.

2. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 580. Ст. 1. Д. 4435. Л. 69.

3. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 580. Ст. 1. Д. 4336. Л. 5 об.

4. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 580. Ст. 1. Д. 4342. Л. 270–271.

5. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 580. Ст. 1. Д. 4347. Л. 23–24.

6. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 580. Ст. 1. Д. 4354. Л. 54–54 об.

7. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 580. Ст. 1. Д. 4357. Л. 29.

8. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 580. Ст. 1. Д. 4361. Л. 199–199 об.

9. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 580. Ст. 1. Д. 4415. Л. 164 164 об.

10. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 580. Ст. 1. Д. 4612. Л. 40–41.

11. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 580. Ст. 1. Д. 4625. Л. 142.

12. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 580. Ст. 2. Д. 3304. Л. 12–12 об.

13. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 635. Оп. 1. Д. 165. Л. 8.

14. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. ДП ОО. 1905. Д. 2550. Ч. 42. Л. 232.

15. Орловский вестник. – 1905. – 13 апреля (№ 100). – С. 3.

16. Орловский вестник. – 1905. – 22 октября (№ 277). – С. 3.

17. Орловский вестник. – 1905. – 14 декабря (№ 327). – С. 3.

18. Орловский вестник. 1905. – 1906. – 1 марта (№ 58). – С. 3.

References:

1. Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti (GAOO). F. 580. St. 1. D. 4334. L. 7. (In Russ.)

2. Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti (GAOO). F. 580. St. 1. D. 4435. L. 69. (In Russ.)

3. Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti (GAOO). F. 580. St. 1. D. 4336. L. 5 ob. (In Russ.)

4. Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti (GAOO). F. 580. St. 1. D. 4342. L. 270–271. (In Russ.)
5. Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti (GAOO). F. 580. St. 1. D. 4347. L. 23–24. (In Russ.)
6. Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti (GAOO). F. 580. St. 1. D. 4354. L. 54–54 ob. (In Russ.)
7. Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti (GAOO). F. 580. St. 1. D. 4357. L. 29. (In Russ.)
8. Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti (GAOO). F. 580. St. 1. D. 4361. L. 199–199 ob. (In Russ.)
9. Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti (GAOO). F. 580. St. 1. D. 4415. L. 164 164 ob. (In Russ.)
10. Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti (GAOO). F. 580. St. 1. D. 4612. L. 40–41. (In Russ.)
11. Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti (GAOO). F. 580. St. 1. D. 4625. L. 142. (In Russ.)
12. Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti (GAOO). F. 580. St. 2. D. 3304. L. 12–12 ob. (In Russ.)
13. Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti (GAOO). F. 635. Op. 1. D. 165. L. 8. (In Russ.)
14. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. F. 102. DP OO. 1905. D. 2550. CH. 42. L. 232. (In Russ.)
15. Orlovskiy vestnik. – 1905. – 13 aprelya (№ 100). – S. 3. (In Russ.)
16. Orlovskiy vestnik. – 1905. – 22 oktyabrya (№ 277). – S. 3. (In Russ.)
17. Orlovskiy vestnik. – 1905. – 14 dekabrya (№ 327). – S. 3. (In Russ.)
18. Orlovskiy vestnik. – 1905. – 1906. – 1 marta (№ 58). – S. 3.